

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

**БАКОНИНА
Марианна Станиславовна**

**ДЖИХАД: ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА
в международной конфессиональной и политической
коммуникации**

Специальность 10.01.10 — Журналистика

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

**Санкт-Петербург
2003**

Работа выполнена на кафедре международной журналистики факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: доктор социологических наук,
профессор *Анатолий Степанович Пую*

Официальные оппоненты: доктор политических наук,
профессор *Иван Владимирович Радиков*;
доктор филологических наук,
профессор *Ольга Борисовна Фролова*

Ведущая организация: *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

Защита состоится 20 февраля 2003 г. в 16 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.232.17 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете (199034, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 26, ауд. 303).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке имени А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан 15 января 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

O. V. Сляднева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Основные положения, показывающие актуальность темы данного диссертационного исследования, заключаются в следующем:

Во-первых, вступая в XXI век, человечество оказалось в ситуации политической неопределенности. Истощение прежних доминантных идеологий, определявших bipolarную модель мира, а впоследствии крушение этой модели привело к тому, что их в отдельных странах заместили другие, в том числе традиционные, националистические или религиозные идеологические модели.

Одна из наиболее важных глобальных тенденций общественного развития в 90-е гг. — процесс религиозного возрождения, существенной стороной которого является «реполитизация» ислама. Причем этот процесс ориентируется на вечные и незыблевые для верующих мусульман ценности, разработанные этим религиозным учением. Призыв исламских идеологов опирается на представления о добре и зле, уважении к личности, справедливости, преходящее значение жизни, постигнутое на основе ее духовного смысла, и на основополагающие догматы ислама, к которым, безусловно, относится джихад.

Во-вторых, возрождение и реполитизация ислама фактически соответствуют спонтанным устремлениям крупных социальных групп, поставленных в неблагоприятные условия в ходе коренной трансформации мира и общества. Основанный на исламе призыв к политической, экономической, социальной и культурной интеграции попадает на исключительно благоприятную почву. Мусульманские интеллектуалы, распространяющие этот призыв, заключают его в соответствующие концептуальные рамки, причем существенной частью этой концепции является доктрина джихада в самом широком смысле этого слова.

Доктрина джихада, как инструмент исламской политики, включающий в себя далеко не только учение о войне с неверными, находит неполное и однобокое, зачастую обусловленное конкретными политическими, экономическими и мировоззренческими конъюнктурами отражение в западной и российской политике, массовом сознании и прессе.

В-третьих, в последние два десятилетия XX века появилась своего рода историческая «мода», обусловленная как политико-экономическими, так и социо-культурными факторами, на выделение из потока информации процессов активизации воинствующего ислама в самых разных уголках планеты. Журналисты, в том числе российские, пишущие на эту тему, нередко подходят к событиям, связанным в первую очередь с наступлением «исламского терроризма ваххабитского толка», не только легковесно, но и без учета традиций, истории, социального и политического опыта того или иного региона. Это приводит к существенным искажениям в массовом понимании процессов, происходящих в разных странах мира.

Упор делается на то, что в настоящее время именно ислам в любой стране или любом регионе представляет собой благодатную почву для прорастания на ней военно-политических конфликтов. И именно ислам, как вероучение, провоцирует террористические акты радикальных группировок, которые пытаются объединиться в мировой фронт ислама под лозунгами джихада, причем джихад трактуется исключительно как «священная война» против неисламской части мирового сообщества.

В-четвертых, в Российской Федерации условия для утверждения исламской фундаменталистской доктрины, опирающейся на лозунги джихада, созданы благодаря взаимодействию внутреннего и внешнего факторов. Само утверждение этой доктрины и популяризация лозунгов джихада проходят в условиях крушения господствовавшей более полувека системы идеологических ценностей. При этом смена идеологии сопровождается полной трансформацией социальной и экономической структуры общества. В отдельных регионах страны это привело к своеобразному «историческому скачку назад» и возрождению на новом этапе и в новых формах социальных и экономических институтов, существовавших еще до утверждения администрации Российской империи на этих территориях.

Для российских мусульман обращение к истокам, идеалам общинной солидарности, с которыми с самого начала был связан ислам, наславивается на политическую нестабильность, слабость власти и обуславливает политизацию социальных начал этой религии. Усиление внешнеполитического фактора утверждения радикального ислама в России тесно увязано с исчезновением биполярной системы мироустройства. Распад СССР привел к трансформации geopolитической расстановки сил, расширению сферы исламского политического и культурного влияния в целом.

В таком контексте представляется актуальным анализ доктрины джихада, разработанной в исламе, исследование ее практического применения

в прошлом, а также трансформация этой доктрины на современном этапе, ее применение в разных регионах и отражение на страницах западной и российской прессы. Выработка методологических подходов к самой доктрине джихада на современном этапе весьма важна для оценки ее внутреннего потенциала, формирования адекватной системы взглядов на войны и локальные конфликты, проходящие под лозунгами джихада. Это, в свою очередь, может способствовать более углубленному пониманию таких проблем политической науки, как социальная стабильность, модернизация, политическая коммуникативность собственно доктрины и ее применения на практике.

Степень разработанности темы. В российском и зарубежном исламоведении доктрина джихада, как один из столпов ислама, в той или иной степени исследована в классических сочинениях В.В. Бартольда, Е.А.Беляева, Г.Э.фон Грюнебаума, А.Массэ, И.П.Петрушевского¹.

Различные аспекты влияния личности Мухаммада и традиций аравийских племен на формирование ислама как религиозного учения изучены П.А.Грязневичем, М.Б.Пиотровским, Е.А. Резваном и другими российскими учеными². Правовые аспекты доктрины джихада представлены в трудах Л.Р. Сюкияйнена³.

В российской общественной науке имеется богатая традиция фундаментальных исламоведческих исследований, посвященных современным тенденциям развития ислама и мусульманских стран. В 60-80-е гг. проблематика идейно-политических течений в современном исламе была в центре внимания таких исследователей, как А.Х.Вафа, Д.З. Мутагиров, Л.Р.Полонская, А.В.Сагадеев, М.Т.Степанянц⁴.

Отдельные аспекты доктрины джихада и ее использования в текущей политике как правительственные, так и неправительственные исламских орга-

¹ Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966; Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966; Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600-1258). М., 1986; Массэ А. Ислам. Очерк истории. 3-е изд. М., 1982; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках. Л., 1966.

² См.: Ислам. Религия. Общество. Государство. М., 1984; Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985; Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986; Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982.

³ Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

⁴ См.: Вафа А.Х. Восток: идеи и идеологии. (Критика буржуазных и менкобуржуазных концепций «третьего пути» развития). М., 1982; Полонская Л.Р. Современные мусульманские идейные течения// Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985; Сагадеев А.В. Социально-исторические предпосылки возникновения и развития классической арабо-мусульманской культуры // Ценность мусульманской культуры и опыт истории. Нью-Йорк, 1999; Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX-XX вв.). М., 1974.

низаций, причем в разных регионах исламского мира, приводятся в работах С.Л. Агаева, А.А. Игнатенко, Р.М. Шариповой⁶.

В зарубежной научной литературе проблематика воздействия исламского фактора на современную политику, исламского фундаментализма и отчасти политическое значение доктрины джихада разработана достаточно глубоко в книгах Б.Лоуренса, Б.Льюис, Х.Мансона, Д.Пайпс, М.Родинсон, О.Руя, Э.Сивана⁶. Большое значение в их работах уделяется рассмотрению характера взаимосвязи между исламской культурой и внутриполитическими процессами в мусульманских странах, своеобразию исламской цивилизации. Также в значительной степени исследованы идеология, программные установки и стратегия исламистских организаций.

Исламский фактор, и в том числе доктрина джихада, как одна из движущих сил Кавказской войны и современных событий на Кавказе описан в работах М. Блиева, В.Дегоева⁷.

Однако специальных исследований, посвященных сравнительному анализу классической доктрины джихада, ее практическому применению в прошлом, в том числе в тех войнах, которые вела Россия, а также современному воплощению и анализу трансформации этой доктрины в мировом информационном пространстве до сей поры не публиковалось. Исключением можно считать книги А.И. Агрономова и П.Л. Климова⁸, обе озаглавлены «Джихад», но первая написана в XIX веке в стиле так называемых антиисламских православных сборников и не свободна от предвзятости, а вторая, современная, представляет собой скорее публицистический сборник интервью и высказываний современных политиков о джихаде.

Методологическая база исследования. Изучение теоретического и прак-

⁶ Агаев С.Л. Иранская революция: «воспоминания о будущем» // Народы Азии и Африки. 1989; Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М., 1988; Шарипова Р.М. Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги исламского мира. М., 1986; Шарипова Р.М. Ислам в общественно-политической жизни Египта 1952 – 1970 (на примере деятельности духовенства «аль-Азхара») М., 1979; Ислам и политика: взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии. М., 2001.

⁶ См.: Lawrence B.B. Defenders of God: The Fundamentalist Revolt Against the Modern Age. San Francisco, 1989; Lewis B. Islam and the West. New York-Oxford, 1993; Pipes D. The Long Shadow. Culture and Politics in the Middle East. — London, 1989; Родинсон М. Исламизм на Ближнем Востоке // Возвращение религиозного фактора в политику. М., 1990; Roy O. L'Iran et son environnement régional // Défence nationale. 1992. №10; Roy O. The Failure of Political Islam. Cambridge-Harvard, 1994.

⁷ См.: Блиев М., Дегоев В. Кавказская война. М., 1994; Геополитика Кавказа. М., 2001.

⁸ Агрономов А.И. Джихад: «священная война мухаммедан». М., 2002; Климов П.Л. Джихад. М., 1996.

тического аспектов доктрины джихада в исламе в прошлом и на современном этапе требует междисциплинарного подхода, обращения к работам общетеоретического характера, затрагивающим проблематику культуры и религии в современном обществе (М. Вебер, А.Ф.Лосев, А.Дж. Тойнби и др.⁹). Большое значение приобретает анализ формирования и структуры политического сознания, моделей идеологии, политической коммуникации (С.Хантингтон и др.¹⁰), психологических аспектов изучения истории и политики (Б.П. Поршнев и др.¹¹). Нельзя обойтись и без классических исламоведческих исследований.

Анализируя формирование классической доктрины джихада, автор диссертации опирается на основные отечественные и зарубежные труды, посвященные зарождению и формированию классического ислама.

Текстологический анализ Корана и хадисов, основных источников для исследования теоретических аспектов доктрины джихада, проведен с помощью общепризнанных конкордансов Корана и хадисов, созданных Флюгелем и Венсинком¹². Также исходной теоретической базой исследования стали труды российских и зарубежных ученых, рукописные и опубликованные сочинения как средневековых, так и современных мусульманских богословов, политические документы и трактаты различных исламских движений и организаций, публикации в зарубежной, в том числе исламской, а также российской прессе.

При реализации поставленных целей и задач автор опирался на методы и принципы исследования, используемые в современной политической науке: комплексный и системный анализ, контент-анализ, типологизация явлений, сравнительно-исторический анализ.

Эмпирической базой исследования является большой массив классических и современных мусульманских богословских текстов, включая Коран, хадисы, сочинения средневековых классиков мусульманского вероучения, принадлежавших к разным течениям в исламе, трактаты мусульманских историков и хронистов средневековья, нового и новейшего времени. Сюда относится мемуарная и эпистолярная литература, в которой затрагиваются различные аспекты джихада, политические документы, тексты и воззвания, а также интервью, статьи и комментарии, посвященные джихаду и публиковавшиеся в печатной и электронной российской и зарубежной прессе XIX-XX-XXI веков.

⁹ Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001; Weber M. The theory of social and economic organization. New York, 1947; Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М., 1990; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М. — СПб., 1996.

¹⁰ Huntington S.P. The Clash of Civilization and Remaking of World Order. New York, 1996.

¹¹ Поршнев Б.В. Социальная психология и история. М., 1979.

¹² Flugel G. Concordantiae corani arabicae. Lipsiae, 1898; Wensinck A. Concordance et indices de la tradition musulmane. Leiden, 1927.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является выявление особенностей доктрины джихада в классическом и современном исламе, определение социально-психологического механизма реализации этой доктрины на практике и отражения ее в прессе, а также ее воздействие на религиозное и политическое сознание.

Исходя из этих целей, автор ставит перед собой следующие задачи:

1. Обосновать представление о генезисе и особенностях формирования доктрины джихада и выстроить типологию ее функционирования.
2. Раскрыть мировоззренческую оригинальность концепции джихада как инструмента политического воздействия на разных исторических этапах.
3. Показать специфику практического применения доктрины джихада в конфессиональной и политической коммуникации.
4. Рассмотреть процесс медиатизации идеологии «джихада» и технологию ее пропагандистского воздействия на общественное сознание.

Объект исследования — учение о джихаде и его трансформация в новейшее время в разных регионах мира. **Предметом** исследования являются труды мусульманских богословов, древние и современные, а также материалы российской и зарубежной периодики, связанные с объектом исследования.

Научную новизну исследования составляет:

во-первых, осмысление зарождения и функционирования доктрины джихада в исламе предпринимается в историко-религиоведческом, историко-философском, а также в политологическом ключе. Сама доктрина джихада рассматривается не только как религиозный догмат, действующий на религиозное сознание верующих, но и как один из способов конфессиональной и политической коммуникации;

во-вторых, анализ опыта политического применения этой доктрины в последние годы в мире и в РФ доказывает феномен ее использования как политической составляющей в рамках движения «исламского возрождения» для обеспечения и нерелигиозных интересов;

в-третьих, трансформация теоретических положений как классической, так и современных концепций джихада показывает возможность ее применения для решения практических задач, стоящих не только перед разными социальными группами и странами, но и для идеологического обеспечения междивизионных конфликтов;

и-четвертых, исследованы скрытые механизмы воздействия доктрины на участников войн, идущих под лозунгами джихада. Раскрыто внешнее функционирование доктрины в массмедиа, ее отражение в политике и информационном пространстве мусульманских и немусульманских стран.

В диссертации впервые вводятся в научный оборот религиозные и политические трактаты, написанные как в XIX, так и в XX веке для идеологическо-

го обеспечения конкретных войн и конфликтов, в том числе тех, в которые была вовлечена Россия.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Предлагаемый автором сравнительно-исторический, политологический анализ теоретического и практического применения джихада позволяет расширить представление об этом феномене в целом, соотнести специфику практического воплощения его теоретических положений на разных исторических этапах и выявить особенности и параметры использования лозунгов доктрины джихада в современных конфликтах, в том числе в РФ.

Содержащиеся в диссертации характеристики и выводы могут быть учтены и использованы в законотворческой и административной деятельности органов представительной и исполнительной власти, занимающихся разработкой и осуществлением национально-государственной и религиозной политики в РФ, а также межгосударственной политики, требующей учета исламского фактора влияния (в том числе в России и СНГ).

Материалы могут быть использованы в учебном процессе при чтении лекций по курсам истории политических учений, истории журналистики, современных политических учений Востока, сравнительной политологии, конфликтологии.

Исследование может быть полезно и необходимо журналистам-практикам, работающим в зонах конфликтов, проходящих под лозунгами джихада, а также специалистам других структур, вовлеченных в разрешение локальных и региональных конфликтов, где так или иначе используются лозунги джихада.

Апробация основных положений и выводов диссертации. Материалы и результаты выполненного исследования были апробированы автором в опубликованной монографии «Джихад: идеология и пропаганда» (СПбГУ, 2002. 12,5 п.л.), а также в ходе научных форумов и конференций, в том числе на 13 годичной Сессии ленинградских арабистов «Историческая литература в истории и культуре Арабского Востока». (ЛО ИВАН СССР, 1988), «Век информации» (СПбГУ, 2000, 2001).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и библиографического списка литературы. Композиция подчинена хронологическому принципу.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обоснована актуальность темы диссертации, сформулированы цели и задачи исследования, выявлена степень научной разработанности проблемы, определены предмет, научная новизна, методологическая основа и научно-практическая значимость работы.

Первая глава «Классическая доктрина джихада» посвящена анализу формирования доктрины джихада как догмата веры и практическому применению этой доктрины с ранних веков ислама до начала XIX века.

Доктрина джихада идеологически и практически самым тесным образом связана со становлением ислама как вероучения и образованием первого исламского государства. Правление Мухаммада признается всеми исследователями истинной и строгой теократией. Вскоре после начала проповеди Мухаммад объединил в своих руках практически все функции власти: законодательные, исполнительные, а также судебные, и именно в этих условиях сформировалась концепция джихада как одного из столпов веры, обязательного для исполнения догмата.

В первом параграфе «Зарождение доктрины джихада: проповедь Мухаммада и сочинения богословов первых веков ислама» проведен текстологический анализ Корана и хадисов, выделены фрагменты, посвященные непосредственно доктрине джихада. Выявлено хронологическое и конкретно-историческое распределение по сурам и хадисам упоминаний о джихаде как таковом. Анализ фрагментов о джихаде в мекканских, ранних мединских и поздних мединских сурах Корана и хадисах, в том числе тех, что были записаны после смерти Мухаммада, доказывает, что определенные политические обстоятельства заставили Мухаммада гораздо более полно и четко сформулировать первые постулаты доктрины джихада. Под давлением политики определено и сужено само понятие «неверный»: тот, «...кто противостоит маленькой общине мусульман, переселившейся из Мекки в Медину»¹³. В условиях расширения общины и постоянных стычек был сформулирован запрет на умышленное убийство мусульманина, объявлено, что джихад может вестись только против неверных. Увеличение числа мусульман, расширение территории общины на протяжении жизни Мухаммада неоднократно изменяло содержание понятия «неверный».

В заключительный период проповеди Пророка была окончательно сформулирована необходимость вести джихад, то есть совершать некое усилие, жертвовать жизнью, имуществом или просто бороться словом ради своей веры, ради Бога и Его Посланника. Причем доктрина органично вобрала в себя бытовавшую в Аравии набеговую систему.

В сформулированной в Сунне (Коран и хадисы) доктрине джихада идет речь о том, что совершение этого усилия, то есть ведение джихада, признается непременным и обязательным для каждого подлинно верующего. Тогда как отказ от джихада определяется как нежелание быть мусульманином, со всеми вытекающими отсюда последствиями: наказание при жизни и после смерти, отверженное существование, несмотря на внешнее благополучие.

¹³ Коран / Пер и комм. Крачковского И.Ю. М., 1990. Сура 2. Стихи 186-189.

чие. Для верующих, которые ведут джихад, уготованы все блага при жизни и после смерти.

Пророк разрешил своим последователям продолжить древнюю кочевую традицию набегов на противников. Участников набегов прежде всего интересовала добыча. Но доктрина джихада была не только продолжением доисламских обычаяев на Аравийском полуострове, которые типологически мало чем отличаются от традиций набегов в других странах и у других народов в период формирования классового общества. Можно отчетливо проследить трансформацию концепции набегов. Набегам придается особое религиозное значение, вводится запрет на войны внутри мусульманской общины, нападать следует только на ее противников, причем цель всех набегов — расширение территории ислама. Все мусульмане, погибшие во время таких набегов, признаются мучениками. Подобная трансформация древних обычаяев превратила набег в священный, религиозный долг всей мусульманской общины. Коренная, родовая связь концепции джихада с племенными обычаями горцев и кочевников в значительной степени объясняет легкость, с какой именно этот догмат ислама был принят народами, находившимися на той стадии развития, где бытует набеговая система как элемент социоэкономического бытия.

На основе так называемых «Книг джихада» и других богословских сочинений, трактующих джихад и написанных авторами, принадлежавшими к различным течениям в исламе, выявляются общие черты и различие в правилах джихада у суннитов, шиитов-имамитов, исмаилитов и суфииев, в частности членов суфийских братств накшбандий и кадирий. Объекты и субъекты джихада у представителей этих течений в исламе отличаются весьма существенно. Это язычники, христиане, иудеи, зороастрийцы, индуисты, мятежники, восставшие «против законной власти», уголовные преступники, представители других течений в исламе, что весьма примечательно, если учесть, что мусульманское богословие никогда не формулировало таких понятий, как «ересь». Важным элементом джихада у представителей различных течений считалась борьба с собственными пороками.

Во втором параграфе «Практика джихада при Мухаммаде и его преемниках» на конкретных исторических примерах демонстрируется, как политические и экономические нужды, необходимость принимать решения, определяющие судьбы конкретных людей, заставляли корректировать первоначально сформулированные постулаты доктрины джихада. Непоследовательность и определенные расхождения между проповедью и реальными действиями иногда даже заставляли Мухаммада оправдываться перед своими последователями, как это было в случае прощения курайшитов — соплеменников Пророка.

Под лозунгами джихада велись практически все военные действия му-

султанских государств, начиная с первых арабских завоеваний в Сасанидском Иране и Византии. Правда, сама доктрина могла существенно трансформироваться в зависимости от конкретной политической ситуации. Так, людьми Писания, то есть не язычниками, против которых джихад обязателен, стали считать зороастрцев, хотя их Мухаммад в своей проповеди не упоминал. Джихадом считались войны против мусульман при Тимуре или Османах и многих других правителях, что показывает, как религиозные лозунги, в том числе доктрина джихада, активно использовались, когда это шло на пользу той или иной стране или той или иной династии. Причем прагматические соображения позволяли не только вести войны с единоверцами, но и заключать военные союзы с христианами. Практические аспекты применения доктрины джихада впоследствии были включены в трактаты мусульманских богословов.

Сравнительный анализ сочинений христианских хронистов и мусульманских историков показывает, что идеология и практика крестовых походов не имела существенных отличий от правил ведения джихада.

В параграфе третьем *«Россия и джихад»* рассматриваются некоторые войны, в которых противники России использовали лозунги джихада.

Россия сталкивалась с джихадом с момента появления на ее рубежах мусульманских государственных образований. С момента, когда Золотая Орда приняла ислам, все походы на Русь стали джихадом. Существуют научные гипотезы, доказывающие, что отношения между двумя странами изменились качественно именно после исламизации Орды. Под лозунгами джихада пришел на Русь Тимур — Тамерлан, под теми же лозунгами в течение веков проходили все набеги казанских и крымских татар на южные земли России. Доктрина джихада была идеологической концепцией, которая помогала обеспечивать Ирану и Турции войны с Россией в XVIII, и в XIX веке.

В ряде случаев доктрина джихада становилась чем-то вроде государственной военной доктрины, как в Иране и Турции (XVIII, XIX вв.)

К примеру, концепция джихада, разработанная шиитами-имамитами, активно реализовывалась именно тогда, когда шиизм имамитского толка стал государственной религией в Иране при Сефевидах и позже.

Исследование доктрины джихада и ее практического применения в первой четверти XIX века проведен на основе рукописного сочинения Абу-ль-Хасана ибн Мухаммада Казима «Айт ал-иджтихад фи и'lam ал-убад», написанного в 1823 году, в канун очередной русско-иранской войны, по заказу наследного принца Ирана Аббаса-Мирзы и посвященного Фатх-Али шаху Каджару. Структурный и текстологический анализ рукописи позволяет сделать вывод, что это было религиозно-публицистическое сочинение, написанное в качестве социального заказа в период активной подготовки ко второй русско-иранской войне (1826-1828), как своеобразный духовный призыв

к победоносной войне не просто с неверными, а конкретно с русскими. Зачастую автор даже заменяет термин «кафир» этонимом «руси», то есть «русский», и при этом сочинение базируется на классической доктрине джихада у шиитов-имамитов.

Подобного рода сочинения использовали для решения внутренних идеологических задач. Религиозные вопросы и религиозное противостояние оставались за скобками межгосударственных отношений. Религиозную «нейтральность» внешнеполитических отношений доказывают, в частности, тексты Гюлистанского (1813) и Туркманчайского (1828) мирных договоров, которые заключались между шахским Ираном и Россией и где религиозным лозунгам не было места. О том же свидетельствуют тексты ирано-британских соглашений, в которых шах, в частности, обещает помочь английским войскам в войне с мусульманским Афганистаном.

Гораздо более «религиозно ангажированной» была Кавказская война (1817-1864). Лозунги джихада использовали не только сторонники Шамиля, его учители и ученики. Джихад как самое точное определение этой войны фигурирует в российской и западноевропейской прессе, публицистике и научной литературе. Однако анализ собственно идеологической основы Кавказской войны — мюридизма, а также ее военных и политических аспектов показывает, что лозунги джихада были существенными, но не определяли ее ход и результаты.

Мюридизм — достаточно специфическое религиозно-мистическое учение, сплав суфизма и доктрины джихада. Проповедники мюридизма, в том числе Шамиль, никогда не отрекались от своих учителей-суфииев, но в их учении превалирующей стала идея джихада-газавата как основной движущей силы утверждения ислама и шариата на Северном Кавказе. Причины вполне очевидны: идея газавата была проще для восприятия, чем весь комплекс шариатских установлений, более того, именно идею газавата можно было подкрепить материально — ведь он сулил добычу. Классическая доктрина джихада предусматривает захват добычи, и там подробно расписан способ раздела захваченного. Джихад прекрасно дополнял и развивал традиционную «набеговую систему», которая на Кавказе была существенным социальным и экономическим фактором.

Следует отметить, что в проповеди Шамиля и прочих пророков мюридизма джихад трактуется расширительно, как война с неверными местными и пришлыми. В ней есть намеки на одобрение доктрины «такфира» — признания неверными тех мусульман, кто не разделяет религиозные или даже политические взгляды проповедника.

Однако действия Шамиля в сложных политических ситуациях доказывают, что он был весьма прагматичным политиком, умел манипулировать общественным мнением, в том числе международным, умел отказываться от крайних лозунгов при контактах с европейцами.

Если Иран использовал учение о джихаде как некое подобие государственной военной доктрины, то Шамиль и его последователи зачастую неосознанно превратили доктрину джихада в идеологическое подкрепление традиционной набеговой системы, которая, в сущности, была базой для первоначального накопления излишков собственности и основой перехода горцев к классовому обществу. Сходство набеговых традиций у арабов-кочевников и горцев упростило задачу преобразования доктрины.

Тем не менее, построенная на концепции джихада, религиозная составляющая войн хотя и казалась первостепенной (особенно в случае с Кавказской войной), но не оказывала определяющего воздействия на исход ни той, ни другой войны. Военные победы и поражения, так же как политические и дипломатические контакты, обусловливались умением воспользоваться стратегическими и тактическими преимуществами, уровнем оснащения армий, экономической мощью каждой стороны и талантами полководцев, политиков и администраторов.

Однако поражения в джихаде, в том числе те, которые потерпели Каджарский Иран и имамат Шамиля, никак не сказалось на отношении верующих к джихаду как таковому.

Для мусульман на уровне личностного восприятия джихад по-прежнему оставался одним из столпов веры. Готовность откликнуться на призыв к джихаду зависела и зависит от благочестия каждого конкретного верующего, а также в немалой степени от положения в конкретном регионе, населенном мусульманами.

Обобщая различные суждения о джихаде, его целях, задачах и методах ведения джихада в учениях различных мусульманских богословов, принадлежащих к разным течениям, как суннитским, так и шиитским, можно выделить теоретическую и практическую стороны этой доктрины. Они, в свою очередь, состоят из нескольких аспектов.

При этом почти все аспекты теоретической части доктрины джихада обращены к каждому отдельному мусульманину и рассматриваются как личная обязанность. Большая же часть практических рекомендаций относится к общине в целом, или к главе мусульманской общины, или к главе государства.

Доктрина определяет, что джихад — это не цель, а лишь средство. Джихад — это постоянная обязанность, он никогда не прекращается. Джихад может быть и оборонительным и наступательным. Более того, с оборонительным джихадом связан этический компонент этой доктрины.

Доктрина джихада вписывается в идеологическую, политическую и социальную жизнь разных эпох. Типологически концепцию постоянного расширения мира ислама посредством джихада вполне можно сравнить с *dilatatio imperii Christiani* («распространение христианского владычества») в Германской империи при Оттонах или доктриной крестовых походов, ко-

торая также позволяла воевать не только с собственно неверными, но и с христианами, еретиками и мятежниками.

Коренное отличие доктрины джихада заключается в том, что сама концепция зародилась одновременно с самой религией. С самого начала доктрина священной войны, «усилия на пути веры» — джихада, стала одним из обязательных религиозных положений, существующим до сих пор, правда, видоизменяющимся, и весьма значительно, в зависимости от конкретной социально-политической ситуации.

Вторая глава «*Джихад и мировая информационная политика*» посвящена анализу доктрины джихада в XX веке, ее трансформации применительно к новейшему времени, а также теме джихада в мировом информационном пространстве.

К концу XX века ислам, теория мусульманского государства и права, учение об исламской экономике или банковской системе, а также теория исламской войны, то есть джихада, стали важнейшими факторами, которые оказывают существенное влияние не только на страны распространения ислама, но и на весь мир. Прозвучавший на весь мир «исламский ответ» и многочисленные политологические теории о неизбежной войне цивилизаций превратили исламский фактор в один из самых существенных в мировой политике, что и показывает исследование отражения исламского факто-ра, преимущественно джихада, в средствах массовой информации.

В параграфе первом «*Доктрина джихада в XX веке: идеология и практика*» исследуется возвращение доктрины джихада в активную политику, значительную роль в этом сыграли создатели «панисламизма».

Активное употребление исламских лозунгов в новейшее время, к которому прибегали не только исламисты, но и европейские державы, желающие заручиться поддержкой того или иного режима, привело к крайнему усилению роли ислама в тех государствах, которые добились независимости после Второй мировой войны, в 50–70-е годы прошлого века. Лозунги джихада используют и правительства мусульманских стран, и антиправительственные исламские группировки, к примеру «Братья мусульмане», «Исламский джihad», «Такфир ва хиджра». Лозунги джихада применялись во внутренней и внешней политике, причем далеко не только тогда, когда речь шла о военных конфликтах.

Так, при президенте Насере джихадом объявили египетскую стройку века — возведение Асуанской плотины (открыта в 1970). Обоснование было вполне логичным и полностью вписывалось в классическую доктрину джихада, разработанную еще в первые века ислама: джихадом следует считать любые действия, которые расширяют территории, населенные мусульманами. Предполагалось, что Асуанская плотина позволит увеличить площадь пахотных земель в Египте — так что это джихад, как он описан в классических богословских сочинениях.

Со второй половины прошлого столетия джихад как социальный и идеологический феномен стал фактором реальной международной политики, который учитывали и политики, и идеологи, и экономисты при принятии тех или иных решений.

Причем следует отметить, что усиление исламского фактора, проходившее на фоне противостояния по оси «СССР — США», привело к тому, что каждая сторона пыталась использовать страны ислама и организации, действовавшие от имени ислама, в своих интересах. Это показывает анализ публикаций, посвященных исламисту и террористу номер один — Усаме Бен Ладену и его сторонникам¹⁴.

Практика современного джихада, его общие черты и различия в разных странах мира и мотивации муджахедов исследуются на примерах авиаатаки на Нью-Йорк и Вашингтон и правления талибов в Афганистане¹⁵.

Сравнительный анализ публикаций и документов позволяет показать, что доктрина джихада и его лозунги в современных условиях используют различные исламские партии, движения и группы, причем войны или конфликты, в которых задействованы эти партии и группы, ведутся ради достижения самых разных целей. Помимо открыто декларируемого тем же Бен Ладеном и другими исламскими лидерами строительства исламского халифата и утверждения в мире власти ислама, это может быть и государственный, национальный реванш, и своеобразная «прививка» от неоколониализма. С помощью доктрины джихада могут быть обоснованы и последняя антиколониальная война, и утверждение собственного национального государства, и возрождение государственной власти после кровопролитной гражданской войны, и усиление влияния той или иной «региональной сверхдержавы» в рамках концепции субимпериализма.

В XX веке на разных исторических этапах доктрину джихада использовали и немусульманские страны ради достижения собственных политических целей.

Проповедники и воины ислама, отстаивающие доктрину джихада как средство всемусульманской борьбы, хотя и могут на определенных этапах оказаться союзниками, но действуют ради достижения разных целей, а значит, союз этот временный и никаким другим быть не может.

В параграфе втором «*Глобальный джихад и СМИ*» исследуется отражение доктрины джихада и войн, идущих под лозунгами джихада, в российской и зарубежной печатной, а также электронной прессе. Противостояние

¹⁴ Time. 1996. 5 June; Независимая газета. 2000. 10 февраля; Ведомости. 2001. 14 сентября.

¹⁵ Комсомольская правда. 2001. 3 октября; Коммерсант. 2001. 19 сентября, 20 сентября, 29 сентября. Guardian. 2001. 20 September; The Independent. 2001. 12 Oktober; Time. 2001. 17 December; Le Monde. 2001. 15 décembre.

по оси социализм-капитализм часто приводило к тому, что в определенных условиях джихад, как явление, выпячивался или, наоборот, отодвигался в тень, в зависимости от того, что было выгоднее той или иной стороне. Разбор публикаций показывает, что факт ведения джихада в одной стране, например в Ливане или Палестине, признавался западными журналистами, а в репортажах о войне в Афганистане (имеется в виду конфликт, начавшийся после введения советских войск) термин «джихад» практически не встречался.

Показателен лексический анализ публикаций во влиятельном американском журнале «Тайм», а также откликов на события 11 сентября, появившихся в разных странах.

Именно после авиаатаки впервые термин «террористы» был использован в статьях, посвященных Чечне, но термин «повстанцы» относительно чеченцев все равно встречался чаще¹⁶. При этом официальные структуры Ичкерии приветствовали атаку в Нью-Йорке и Вашингтоне¹⁷.

Термины, которые употребляют журналисты, чтобы обозначить муджахедов, воюющих в разных странах мира, свидетельствуют не только о разнородности и разнообразии джихада и его участников, но и о том, что отражение доктрины джихада в СМИ связано с господствующим общественным подходом к конкретной войне в стране, где выходит то или иное издание.

О том, что источником и движущей силой массового исламистского движения, включая и многочисленные войны, которые ведутся под лозунгами джихада, является не только ислам как религия и политico-идеологические системы, свидетельствует массовая поддержка, которую получили террористические акции 11 сентября 2001 года со стороны неонацистов и других крайне правых движений США, Западной Европы и России. Это нашло отражение в серии публикаций, вышедших после авиаатаки¹⁸.

На этом фоне вполне логично предположение, что исламистские движения на Ближнем и Среднем Востоке являются модификацией экстремистских организаций, которые действовали в развитых странах в шестидесяти-семидесятые годы XX века, тем более что их образ действий фактически адекватен методам таких известных организаций, как «Красная армия» (ФРГ), «Красные бригады» (Италия). В прессе появлялась информация о том, что западноевропейские экстремисты сотрудничают с мусульманскими экстремистскими организациями.

Лозунги джихада используются для идеологического, политического,

¹⁶ Guardian. 2001. 28 September; Washington Post. 2001. 28 September; Die Welt. 2001. 28 September; The Financial Times. 2001. 28 September; Der Frankfurter Rundschau. 2001. 28 September.

¹⁷ www.kavkaz.org

¹⁸ Cf.: Die Welt. 2002. 27 März.

экономического и технического обеспечения локальных конфликтов и через Интернет. Анализ вэб-сайтов¹⁹, посвященных джихаду, показывает, что практически на всех подобных ресурсах представлены политические, военные и экономические попытки влияния на локальные конфликты.

Обилие пропагандистских настроений, связанных с конкретными политическими интересами как мусульманских, так и немусульманских стран, приводит к тому, что даже мусульманские богословы хотя и придерживаются классической доктрины в своих суждениях о видах и формах джихада, но не чужды достижениям века и определяют свое отношение к конкретным действиям джихада, исходя не только из установлений Корана и хадисов, но и с оглядкой на текущую политическую и экономическую ситуацию.

Что же касается джихада в Интернете, то он в полной мере отражает разнообразие такого рода движений в разных странах мира, более того, отчетливо показывает, насколько разными могут быть мотивы муджахедов. Здесь можно найти исламских радикалов — борцов с чуждым влиянием, с ярко выраженным мифологическим сознанием, и строителей собственной государственности, и мошенников, которые просто зарабатывают деньги на доктрине джихада, точно так же, как это можно делать на лохотроне.

Адреса отдельных сайтов позволяют предположить, что в виртуальной структуре джихада представлены и немусульмане, которые решают политические и экономические задачи своих правительств, организаций или компаний, используя концепцию джихада.

В третьем параграфе «Чечня: джихад и информационная политика» исследуются ход, характер и особенности «исламизации» событий в Чечне и вокруг Чечни.

Джихад на территории Чечни идет уже 11 или 7 лет — срок зависит от точки зрения наблюдателя. Чеченская революция, позже переросшая в две чеченские войны, началась в сложных внутриполитических условиях и на фоне раз渲ала СССР. Причем одним из самых существенных факторов, определявших эскалацию событий на Кавказе, была каспийская нефть.

Если опираться на богословские материалы, которые распространяют, к примеру, Исламский институт «Кавказ», или на листовки, письма и воззвания, подписанные Шамилем Басаевым, можно прийти к выводу, что в Чечне колossalное значение придается именно утверждению ислама вообще и доктрине джихада в частности. Причем особенности, даже лексические и пунктуационные, этих сочинений впрямую указывают на тесные контакты

¹⁹ Hafidhun Aleemun Art of Islamic Combat; Jihaad ul-Kuffaari wal-Munaafiqeen; Taliban Online; Global Jihad Movements; Dharb-I-M'umin.

авторов с арабскими богословами и политиками, примыкающими к крайним экстремистским течениям бен-ладеновского толка.

Трансформация идеологии Басаева и появление непримиримых борцов за ислам в рядах чеченцев весьма симптоматичны. Анализ чеченской прессы и дудаевской Конституции Ичкерии показывает, что исламизация и связанная с нею религиозная радикализация конфликта в Чечне приходится на конец 90-х. В начале 90-х гг. доминировали другие лозунги. Бывший вице-президент Ичкерии Зелимхан Яндарбиев признает, что исламизация конфликта в Чечне — дело его рук²⁰.

Биография Шамиля Басаева свидетельствует, что он никогда не отличался религиозным фанатизмом. Только в 1999 году появляются заявления Басаева, обильно уснащенные богословской лексикой и призывами к джихаду, которые вполне вписываются в идеологию Бен Ладена. Однако в тот же период в интервью европейским журналистам («Либерасьон», 14 октября 1999) Басаев забывает об исламской риторике.

Прагматизм отличает Басаева от Бен Ладена, который не меняет своей позиции в зависимости от того, какому изданию дает интервью.

Прагматизм отличает современный джихад в Чечне от джихада в Палестине или Иране, от джихада, провозглашенного Бен Ладеном, элементом которого стали авиаатаки на ВТЦ и Пентагон.

Лозунги в Чечне почти не отличаются от лозунгов в Палестине или в «Аль-Каиде». Что же касается непосредственно джихада, собственно войны, то можно привести ряд существенных и даже сущностных различий.

В Чечне практически не зафиксированы террористические атаки с участиемсмертников, но широко используются такие акции, как захват заложников с целью получения выкупа²¹.

²⁰ Супонина Е. Исламский фундаментализм безопасен // Время Новостей Online. 2001. 18 декабря.

²¹ Захват в качестве заложников зрителей и артистов мюзикла «Норд-Ост» был проектирован как акция смертников-шахидов. Эта работа уже была подготовлена, когда вечером 23 октября 2002 г. акция Мовсара Бараева и его соратников перешла в активную фазу. Несомненно, мотивы, политические, экономические, религиозные и психологические, которыми руководствовалась группа Бараева, заслуживают отдельного и подробного анализа, который будет необходимо произвести, когда станут известны детали и подробности, в том числе закулисные, этой террористической акции. Однако даже отдельные видимые факты указывают на то, что данная акция не планировалась как атака самоубийц. Террористы были отлично вооружены, тогда как для реализации угроzy умереть и унести с собой почти тысячу жизней хватило бы только взрывчатки. Доставка такого количества оружия в столицу России, несомненно, существенно усложнила подготовку к акции, тем не менее, террористы пошли на это. Практически все они были в масках, тогда как шахиду, уже приготовившемуся к смерти в бою, незачем скрывать свое лицо.

(Продолжение сноски на с.20.)

Существенно, что «исламизация» лозунгов, под которыми выступают чеченцы, произошла поздно, несмотря на то, что первые контакты с исламскими организациями из разных стран зафиксированы в самом начале 90-х годов.

Знаковым является еще одно отличие: с приходом к власти талибов и сами афганцы, и сторонние наблюдатели связывают установление в Афганистане порядка, исламского, во многом «варварского» для представителей западной цивилизации, но порядка. Период с 1996 по 1999 год, время утверждения в Чечне законов шариата и хотя бы зачатков исламского правления, наоборот, привел к развалу производства, разрушению системы здравоохранения, социального обеспечения, службы охраны правопорядка.

Некоторые исследователи сейчас открыто признают, что в большинстве случаев исламская риторика на Кавказе служит лишь для маскировки исключительно властных притязаний тех или иных лидеров.

Но объяснить чеченские войны лишь желанием лидеров добиться власти нельзя. Еще одно объяснение причин затяжной чеченской войны: этническая солидарность и законы клановой взаимоподдержки. Определенное воздействие на поведение народа в ходе войны все эти факторы, несомненно, оказывали. Однако более значимым представляется другой фактор: к моменту начала чеченской революции (лето 1991) чеченское общество возродило кланово-трайбалистские отношения, бытовавшие во времена Шамиля. Социальный регресс привел к тому, усилились клановые и родоплеменные связи, снизился объем производства и без того достаточно низкий, заставивший значительную часть населения заниматься отходничеством. Регресс привел к возрождению набеговой системы в новых формах. Именно набеговая система, традиционно принятая в родоплеменных сообществах, находящихся на стадии первоначального накопления, позволяет восполнить недостающий продукт и сформировать излишки. Характер такого способа формирования излишков представляет собой симбиоз традиционного, поощряемого обществом, с криминальным. Набег, захват добычи или пленных с целью получения выкупа не осознается как преступление.

Возрождение набеговой системы позволило многим чеченцам добывать средства существования для своих семей, а лидерам — накопить значитель-

В момент штурма выяснилось, что многие из боевиков переоделись из камуфляжа в гражданскую одежду, что свидетельствует об их намерении скрыться. И наконец, по свидетельству бойцов «Альфы» и заложников, газ подействовал далеко не сразу, у смертников были секунды, даже минуты для того, что замкнуть пояса-смерти, чего, к счастью, не произошло. Это лишь некоторые несообразности в поведении и действиях тех, кто называл себя «шахидами». Список можно продолжить. В частности нельзя не упомянуть некоторую театральность всего действия: камуфляж боевиков и странные, не типичные для чеченок одеяния женщин-террористок. Такой вид «хеджаба» распространен в странах Персидского залива, и это указывает на то, что декорации были предназначены для зарубежного зрителя, или заказчика...

ные состояния. Лозунги джихада или борьбы за независимость, как таковые, не играли решающей роли. Определяющей стала экономическая составляющая.

Заметная исламизация конфликта в Чечне приходится на конец девяностых годов, исламской риторики становится больше по мере того, как увеличиваются поступления от исламских организаций, тогда как доходы от нелегальных операций с нефтью, заложниками или азизо уменьшаются.

Эти сущностные, качественные отличия джихада в Чечне от джихада, который вели талибы, ведут палестинцы и бойцы «Аль-Каиды», следует учитывать при разработке мероприятий по стабилизации Северного Кавказа в значительно большей степени, чем лозунги и концепции, которые разрабатывает и распространяет исламский институт «Кавказ» и аналогичные пропагандистские центры.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы.

Выводы и положения диссертации изложены в следующих публикациях:
Баконина М.С. Джихад: идеология и пропаганда. СПб., 2002. (12,5 п.л.).

Баконина М.С. Представления о джихаде в Иране в начале XIX в. (по материалам рукописи «Айат ал-иджтихад фи и'lam ал-убад» Абу-л-Хасана ибн Мухаммада Казима) // Историческая литература в истории и культуре Арабского Востока: Материалы 13-ой годичной Сессии ленинградских арабистов. Л.: ЛО ИВАН СССР, 1988.

Баконина М.С. Джихад в интернете // Век информации. СПбГУ, 2000.

Баконина М.С. Джихад при Мухаммаде и Бен Ладене // Век информации. СПбГУ, 2001.

Лаборатория оперативной печати ф-та журналистики СПбГУ
Заказ 7. Объем 1 $\frac{1}{4}$ п.л. Тираж 100 экз.